

9. Пупынина, Е. В. Абстрактные существительные как лингвистическая проблема : на материале английского языка / Е. В. Пупынина // Науч. ведомости БелГУ. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – № 18 (113), вып. 11. – С. 142–150.
10. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
11. Якушева, И. В. Типология и семантико-функциональные характеристики событийных существительных английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Якушева. – М., 1984. – 196 л.
12. Вольф, Е. М. Семантика общесобытийных существительных и их роль в тексте / Е. М. Вольф, Г. С. Романова // Грамматический строй и стилистика романских языков. – Калинин, 1979. – С. 18–25.
13. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ : Современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта, 2008. – 263 с.

Д. Г. Богусевич, И. В. Иванова-Мицевич

г. Минск, Беларусь; г. Варшава, Польша

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ

Структурная типология исследует и описывает способы оформления единиц, имеющих семантический компонент, в первую очередь форм слов. Она обычно опирается на распределение в речевой цепи элементов словоформ. Основное положение структурной типологии заключается в том, что противопоставляются цельнооформленные и раздельнооформленные словоформы [1]. Цельнооформленность подразумевает, что все морфы словоформы располагаются в одном месте. Иными словами, весь комплекс морфов, образующих данную словоформу, перемещается в составе предложения целиком. Если же словоформа раздельно оформлена, то образующие ее морфы могут занимать разные места в составе предложения.

Цельнооформленные словоформы образуют синтетический тип, а раздельнооформленные – аналитический. Появление аналитических форм, то есть форм, состоящих из нескольких компонентов, которые имеют свою собственную отдельную систематическую позицию в предложении, свидетельствует о том, что некоторые единицы, имевшие статус слова, снизили свой ранг, превратившись в морфемы, вернее, морфы какой-либо морфемы.

Снижение ранга отмечается не только для слов, превращающихся в морфы, но и для других единиц. Так, морфы могут снизить свой ранг до фонемного. Например, формы немецкого причастия прошедшего времени (Partizip II) включают в себя приставку *ge-* и суффикс *-t* – *ge-mach-t* – и только вместе они выражают грамматическое значение Partizip II. Следовательно, морфема причастия прошедшего времени в немецком языке отражается двумя звуковыми комплексами, расположенными в разных

местах словоформы. Поэтому можно считать, что морфема причастия прошедшего времени в немецком языке отражается аналитическим морфом: *ge-mach-t*.

Однако именно в немецком языке возможно восстановление морфного ранга суффикса: *spazier-t*. Таким образом, в немецком языке обнаруживаются четыре морфа морфемы причастия прошедшего времени: 'ge...t', 'ge...n', 't', 'n', использование которых определяется структурой слова и классом, к которому принадлежат основы глаголов.

Уже приведенные факты образования Partizip II ставят под сомнение привычное нам понимание морфемы как инварианта морфов. Инвариант, как известно, является тем, что не изменяется при любых условиях. В таком случае морфемой причастия прошедшего времени оказывается значение и наличие какого-либо воспринимаемого объекта, обозначающего это значение. Но и такой объект тоже может отсутствовать, как, например, в русском *мог* или английском прошедшем времени: *cut, put*. Более того, в восточнославянских языках формой настоящего времени глагола *быть* является отсутствие какой-либо формы: *Минск – столица Беларуси*.

Эти и подобные явления позволяют считать, что эмические единицы не являются просто инвариантами этических, а представляют собой принципиально иные единицы [2]. Этот факт наиболее очевиден, если мы сопоставим фонны, этические единицы, и фонемы, эмические единицы. Если фонема – это пучок дифференциальных признаков, то фонны не могут содержать вариативность даже дифференциальных признаков фонем. Однако это далеко не так. Мы имеем в виду не только нейтрализацию, но и вариативность дифференциальных признаков при отсутствии нейтрализации. Так, английская фонема /t/ в сильной позиции квалифицируется как апикально-альвеолярная глухая взрывная напряженная (придыхательная): *take*. Но уже в слове *steak* она теряет напряженность (придыхание), в слове *football* – взрыв, а в словах *little* и *eaten* взрыв уже не альвеолярно-апикальный. Таким образом, инвариантом остается только молчание.

В таком случае возникает вопрос, что же представляет собой эмическая единица. Поскольку эмическая единица, как инвариант, включает в себя только функцию (для фонем) или значение (для более крупных единиц) и необходимость каким-то образом отражаться в физическом проявлении в речи, то она образуется этим значением/функцией и комплексом операций, создающих конфигурацию физических элементов для отражения этого значения/функции [3].

Однако такое соотнесение этических и эмических единиц справедливо только в том случае, если мы признаем семиотическое понимание значения как операции по знаковому отражению картины мира с определенной прагматической целью [4]. Полагаем, что именно такое понимание значения единственно правильное, поскольку язык является семиотической знаковой системой.

Из этого следует, что отражение представления о картине мира, то есть создание конфигураций для отражения эмических абстрактных или, иначе, семантически нагруженных единиц, не обязательно жестко связано с теми сегментными единицами, которые мы выделяем при наблюдении за потоком речи.

Такое «расползание» эмической единицы по потоку речи мы наблюдаем во многих языках. Так, в восточнославянских языках вспомогательный элемент сослагательного наклонения сливается с союзом в единую форму *чтобы*. В германских и романских языках наблюдается фонетическое слияние вспомогательных элементов с предшествующим словом, а также предлога и артикля, особенно в итальянском и немецком языках.

Описанная здесь вкратце операциональная система создания конфигураций эмических единиц охватывает всю систему языка. Действуя согласно принципу прагматической достаточности, эта система отвечает за проявление семантических и прагматических функций сегментных единиц, так что они могут реализовывать сразу несколько функций и, таким образом, могут отразить то, что называется скрытой грамматикой, а также косвенно отражать понятийные категории. Поэтому мы можем утверждать, что язык (*language*) включает в себя не два компонента, т.е. систему языка (*language*) и речь (*parole*), но и третью систему – систему конфигураций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирницкий, А. И.* Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 440 с.
2. *Богушевич, Д. Г.* Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка / Д. Г. Богушевич. – Минск : Выш. шк., 1985. – 116 с.
3. *Иванова-Мицевич, И. В.* Денотативная область вербального информирования и особенности ее отражения в английском предложении: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Иванова-Мицевич. – Минск, 2009. – 200 л.
4. *Моррис, Ч. У.* Знаки и действия. Значение и означивание / Ч. У. Моррис // Семиотика / сост., общ. ред. Ю. С. Степанова. – М., 1983. – С. 118–133.

Е. А. Бухаткина
г. Минск, Беларусь

МНИМОКОНВЕРСИВЫ В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В лингвистической литературе отсутствует единое мнение по вопросу о критериях конверсности и выявлении тех единиц, которые можно считать конверсными. Конструкции, которые не отвечают критериям истинной или полной семантико-синтаксической категории конверсности, называют *мнимоконверсными* [1; 2, с. 7], *псевдоконверсными* [3] или *квазиконверсными* [4, с. 275–283].